

В 1980-е годы я собрала сотни старых фотографий в эстонских деревнях Кавказа, в том числе в Сухуме и Гагре. В то время меня интересовали, прежде всего, семейные обычаи местных эстонцев, я собирала и фольклор на эту тему. Поэтому накопилось особенно много фотографий похоронных и свадебных обрядов и т.д. Было просмотрено огромное количество фотоальбомов. На Кавказе в царское время в деревнях любили фотографироваться. Однако в основном это снимки праздничных мероприятий с хором и оркестрами, а также семейные фотографии. Но среди этого большинства меньше всего снимков быта, хозяйственной жизни, такие фотографии — большая редкость.

Хотя эстонские поселенцы во многих местах черноморского побережья работали садовниками, чиновниками и слугами, а культурная жизнь, и связанные с ней занятия, объединявшие эстонцев, имели для всех большое значение, основным занятием эстонских колонистов было земледелие, скотоводство и садоводство. Посмотрим, что говорят старые фотографии и фрагментарные письменные источники о сельскохозяйственной деятельности в селе Эстонка.

Земледелие

Климат в Эстонии холодный, а в те далекие времена он был еще суровее, когда на полгода земля промерзала и лежала под толстым слоем снега, а домашние животные жили в хлеву на припасенном летом корме. В Самаре тоже был суровый климат. В Абхазии климатически был настоящий «рай» (если не считать малярии в первые годы).

С момента основания поселения эстонцы выращивали овощи, зерно, картофель, откармливали свиней и держали кур, в каждой семье были рабочие лошади и молочные коровы. Семейный стол и рынок дополняли плоды и ягоды дикорастущих ореховых деревьев, яблонь, инжира и винограда, оставшиеся после абхазов и адыгов.

Колониальное земледелие было ориентировано в конце 19 в. и начале 20 века на рыночную экономику, в то же время коренные жители этой земли практически управляли натуральным хозяйством и жили патриархальными семьями. Абхазы считали торговлю недостойным занятием, торговля находилась в руках греков, мегрелов, армян и других. В результате колонизации в Абхазии стали быстро развиваться рыночные экономические отношения.

Первым важным источником дохода было выращивание кукурузы. Известно, что в Юлем-Линде (Верхней Линдаве) и Сулеве некоторые переселенцы пытались сеять те же культуры, что и на родине — рожь, ячмень и пшеницу, ведь тамошние колонисты были выходцами прямо из Эстонии. Однако субтропический климат не подходил для выращивания этих злаков.

Эстонцы, прибывшие на Кавказ из Самары и Крыма, уже имели опыт адаптации на новом месте и не следовали во всем старым эстонским привычкам. Ведь об эффективности выращивания кукурузы на Кавказе писали и в эстонских газетах. Но переселенцам приходилось методом проб и ошибок выяснять подходящие сроки сева для каждого конкретного на-

селенного пункта в условиях субтропического климата и т.д. Кукурузу сеяли в Эстонке в апреле, мае или июне, а урожай был готов соответственно с сентября по декабрь.

В первые годы заселения практиковалось подсечно-огневое земледелие. В лесу сжигались поваленные деревья. Зерно сеяли в золу между пнями и корнями уничтоженных деревьев, обрабатывая почву большими мотыгами. Смесь почвы с золой была очень плодородной. Через несколько лет, когда большие корни деревьев и пни были уже гнилыми, их иногда и выкорчевывали. Эстонцы стали сеять кукурузу в бороздах, как картофель, но только реже. По примеру эстонцев русские, болгары, молдаване и немцы вскоре также стали сеять кукурузу рядами и обрабатывать землю так же как под картошку.

В конце 19 века в Абхазии только эстонцы и немцы использовали большие железные сельскохозяйственные орудия, например, пахали двуконными ротационными плугами. Эстонцы вспахивали землю, бороновали и набивали борозды, по которым разбрасывали семена. Сеятель сыпал семена кукурузы в каждую вторую борозду или даже реже. В случае «эстонской» агротехники зерна кукурузы засеивались глубже, и птицы не могли их выклевывать. Через несколько дней поле выравнивалось железной бороной.

Для работы мотыгой можно было нанимать чужую рабочую силу. Эта работа также была усовершенствована эстонцами, потому что кукурузу сеяли в борозды, которые затем можно было обрабатывать плугом.

То же самое делали немцы, а соседи других национальностей пропалывали кукурузу вручную и с помощью различных крюков. Поле пропахивали не менее двух раз.

Использование лошадей в качестве рабочих животных было в Абхазии характерно только для эстонцев, другие считали их подходящими лишь для верховой езды. Для кавказцев было большим чудом, что лошадь можно научить так, чтобы она тянула впереди телегу, а также и пахала.

У мегрелов и абхазов в качестве рабочих и тягловых животных использовались буйволы. Немцы, русские, болгары и прочие использовали для этого быков. Однако, к примеру, у эстонцев села Сулев в качестве рабочих животных изначально использовались быки.

Кукурузу срезали вручную большими ножами или «кукурузными мечами»,

ГРЕЧЕСКИЙ СУХУМСКИЙ

ВЪСТНИКЪ

#203

Ведущий рубрики: Георгиос Григориадис
исследователь-сухумовед, e-mail: elsuhum@yahoo.com
Автор статьи: Марика Миккор

СЕНОВОЗ В НИЖНЕЙ ЛИНДЕ, НАЧАЛО 1930-Х ГГ. ФОТО: АВГУСТ КАЕВАЦ

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО В СЕЛЕ ЭСТОНКА В КОНЦЕ ЦАРСКОЙ ЭПОХИ

ботву с колосьями сбрасывали в кучу, початки обламывали и везли домой на телеге. Дома початки очищали от листьев и сушили в кукурузных амбарах, построенных на жердях, через которые проходил ветер. Кукурузные стебли годились в пищу животным.

Для того, чтобы доставить их на мельницу, кукурузные зёрна сначала удаляли из початков вручную, вскоре для этой цели стали использовать специальные кукурузные молотилки.

Эстонцы заказывали большую часть сельскохозяйственных орудий, большие железные плуги и бороны и т. д. из Одессы, Новороссийска, Ростова, Москвы и т. д. У мегрелов и других кавказских народов использовалась крюковая борова: плуг с острым деревянным или железным крюком, или, как говорили о нем эстонцы, поле «протыкалось» и бороновалось колючим деревом, которое, по описанию, напоминало древнюю еловую борону эстонцев. Затем сеяли кукурузу и еще раз бороновали. Но выше было описано, что в 1888 г. вспашка и посев происходили одновременно.

Выращивание кукурузы было особенно прибыльным в первые годы на новой земле, когда на каждом стебле росло по 2-5 початков.

Поселенцы занимались истощающим землю колониальным сельским хозяйством, и урожайность вскоре начала снижаться. Через десять лет после поселения было констатировано, что земля из года в год становилась «худее» — менее плодородной. Последствия подобного «расширенного» хозяйствования были известны специалистам царского правительства. Колонисты пытались забрать с земли последнее, ничего не давая взамен.

Однако эстонцы в некоторой степени использовали навоз. Чаще всего навоз вносили для выращивания картофеля, и если оставалось — на грядки с овощами. В более ранних

сообщениях подчеркивается, что земля была такой плодородной, что не надо было удобрять поля. Навоза было мало, и его экономили. Но даже это небольшое количество навоза считалось драгоценным удобрением. Например, в газете было написано, что Яан Килк из Эстонки погиб в результате несчастного случая при перевозке навоза... Отношение к навозу как к ценности было принесено с севера. (В Эстонии, но и в Самаре животные полгода находились в хлеву и «производили» большое количество навоза. Это было ценным удобрением для менее плодородной почвы.)

При устройстве поселений и ведении колониального земледелия в поселениях разных национальностей леса были безжалостно уничтожены, причинив ущерб в национальном масштабе. В результате чего специалисты утверждали, что «не было доступной древесины».

Л. Козлов в трудах Кавказского отдела Императорского Русского географического общества в 1906 г. сравнительно рассуждал о том, что, хотя следы черкесской культуры и утрачены, всем известно, как туземцы охраняли возделываемые земли, окружая поля зарослями, как сохраняли их источники воды и т. д. Колонисты же делали все наоборот. Козлов считал, что необходимо обучить колонистов, пока не стало слишком поздно.

Такая же тенденция наблюдается и сегодня. Подсечно-огневое земледелие вызывает разрушение больших площадей в тропических странах из-за эрозии почвы. В то же время это не вина самого метода земледелия. Причина заключается в том, что этот метод используется людьми, не знающими местных условий. Коренные жители большей частью знакомы с особенностями своей земли и умеют ее обрабатывать, а некоренные жители не имеют соответствующих знаний и не умеют учитывать особенности земли.

Кукурузу эстонцы продавали в городе, скармливали животным, а также добавляли в хлебную муку. Из Эстонки кукуруза также продавалась в Турцию, из деревни ее отвозили прямо к морю, где ждали лодки, чтобы отвезти зерно на корабли, стоявшие на рейде в порту Сухума. Таким образом, у эстонцев не было необходимости ездить в город.

Рожь, пшеницу и ячмень выращивали в небольшом количестве и по старой привычке. Ржаную муку покупали в городе и добавляли в тесто для хлеба в дополнение к 1/3–1/4 части кукурузной муки.

Из более поздних времен известно, что эстонцы использовали кукурузу, в основном, на корм животным, а для собственного хлеба покупали ржаную и пшеничную муку, привезенную из России. Только в годы гражданской войны, когда из России ничего не привозили, эстонцам пришлось довольствоваться кукурузным хлебом.

Некоторые эстонцы продавали и картофель, капусту и огурцы, для выращивания которых семена закупались в России.

Почти у каждой семьи был участок земли, на котором выращивали лен. Из этого материала шили рабочие брюки. Хлопок также выращивался в небольшом объеме, его также испытывали на сельскохозяйственной опытной станции в Сухуме.

При ведении сельского хозяйства колонистам с самого начала приходилось бороться с различными вредителями. Помимо диких животных, а иногда даже буйволов мегрелов, которых последние специально загоняли на поля эстонцев для кормления, на растения нападали и мелкие вредители — жуки.

В первые дни существования деревни целью охотников являлось отпугивание диких животных с полей и обеспечение себя мясом. Дикие звери даже ходили между деревнями. Позже охота стала скорее развлечением,

ВАЖНЫЕ ХОЗЯЕВА ЭСТОНКИ. СЛЕВА НАПРАВО СИДЯТ ПЕЭТЕР РАТТАСЕПП, ПЕЭТЕР ПИНТ, ЯКОБ ПОЛЛ, ЯАН ТРУУМАНН. СЛЕВА НАПРАВО СТОЯТ ХАНС БУНЕР, ЙООСЕП ПИНТ, КРИСТЬЯН СУЙТС, ГУСТАВ МИКСОН. ФОТО: РУБЕЖ 1910-20-Х ГОДОВ

ЭСТОНСКИЕ КОРОВЫ СНАБЖАЛИ ГОРОД СУХУМ. СЕМЬЯ КАЕВАЦ ВОЗЛЕ СВОЕГО ДОМА В НИЖНЕЙ ЛИНДЕ, 1910-Е ГОДЫ. ФОТО: АВГУСТ КАЕВАЦ.

чем добычей пищи. Охотились на волков, рысей, шакалов, медведей, кабанов, диких козлов, горных козлов, оленей, зайцев, фазанов и тетеревов.

Животноводство

Крестьяне Эстонки сначала покупали животных у колонистов других национальностей, ранее поселившихся на берегах Кодора, получали в помощь от государства, а также привозили их из Кубани и Крыма. Молочных коров, свиней и кур выращивали как на продажу, так и для пропитания.

Для собственного использования держали рабочих лошадей. Лошадям и молочным коровам, привезенным с севера, из Новороссийска, Кубани или Крыма, часто не подходил влажный субтропический климат, и от этого они болели. Однако попытки скрещивания с местными породами животных увенчались успехом. Позже молочные коровы Эстонки стали хорошо известны за пределами села. Эстонцы из Линды и их соседи-немцы также покупали там животных. Таким образом, у эстонцев и немцев были крупные коровы с богатым удоем.

Сухум находился слишком далеко от Эстонки. Свежим молоком город снабжали деревни Линда, Гнаденберг и Нойдорф. Эстонцы и немцы возили в город молоко верхом на лошадях. Хозяева Эстонки продавали молоко монахам православного монастыря в Дранде по соседству, а с рубежа веков — рабочим лесозаводов близ Кодора и санаториев для легочных больных, основанных Н.Н.Смецким. Лесозаводы ростовского миллионера Максимова были основаны у Кодора в 1898 году. Там же

были устроены больница, столовая и магазин. К морю вела железная дорога, здесь были склады и порт. Развитие лесной промышленности оказало стимулирующее воздействие на экономику всего края, ведь работавшие там, количество которых, согласно фон Дервизу, доходило до 8000 человек, в огромных количествах нуждались в пище и питье.

В 1898 году в Москве состоялся Всероссийский съезд врачей, на котором Сухум был объявлен одной из лучших областей для лечения легочных болезней. В результате активизировалось создание лечебных учреждений в регионе, что, в свою очередь, означало благоприятный рынок сбыта сельскохозяйственной продукции. Одним из основателей более крупных санаториев Абхазии, хорошо известный эстонцам Эстонки, был Николай Смецкой, начавший строительство своего первого лечебного учреждения в 1898 году. Санаторий в местечке Гульрипш на 110 мест был завершен в 1902 году, через три года другой — в Агудзере, который был укомплектован на 100 мест, а в 1913 г. было построено здание в Гульрипше на 250 мест. Все они располагались в окрестностях села Эстонка. Между Пеэтером Пинтом и санаторием был заключен договор, согласно которому Пинт должен был ежедневно снабжать санаторий парным молоком. Для этой цели он также собирал молоко у соседей и с соседями по очереди организовывал его транспортировку. Потребности санатория росли, и со временем в это дело была вовлечена вся деревня. С поставок молока был получен хороший доход. Эти взаимоотношения с деревней Эстонка

продолжались вплоть до прихода советской власти. Деревня Эстонка стала самым зажиточным эстонским поселением в Абхазии.

В городе продавались масло, куры, свинина, овощи и фрукты. Так как у местных овец была очень жесткая шерсть, Яан Лийв привез из Крыма в Эстонку овец с мягкой шерстью, но они не адаптировались к влажному субтропическому климату, а эстонцы все же пытались разводить овец с более мягкой шерстью.

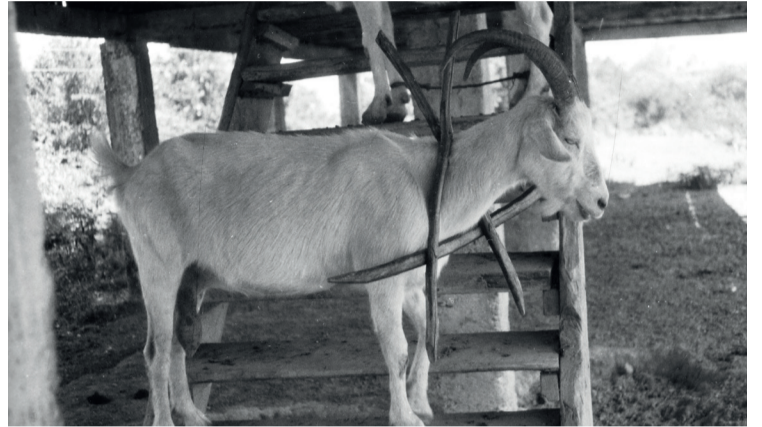
Свиней и кур эстонцы держали в большом количестве, свинина была основной пищей кавказских эстонцев. Только цыплятам, которых изначально содержали на открытом воздухе, угрожали дикие звери. Позже для них построили курятники. Эстонские колонисты держали кур пород брама и котшин, а также французских горных кур. Эстонцы и русские снабжали Сухум птицы и яйцами.

У животных было много еды в дикой природе: груши, яблоки, орехи, каштаны. Сарай для животных в первые дни эстонцами строились более капитально, позже можно было ограничиться более легким южным типом постройки.

В Эстонке и Верхней Линде в первые годы поселений эстонцы держали своих животных в коровниках и свинарниках, в то время как животные из других деревень свободно гуляли по деревенским улицам. В связи с этим было много жалоб, что животные мегрелов находились на свободном выгуле и приходили из окрестностей «грабить» поля эстонцев.

УБОРКА СЕНА В НИЖНЕЙ ЛИНДЕ В 1930-Е ГОДЫ. ВЕРОЯТНО, ФОТО АВГУСТА КАЕВАЦА.

СВОБОДНЫЙ ВЫПАС ЖИВОТНЫХ В ЮЛЕМ-ЛИНДЕ, 1987 Г. ФОТО: МАРИКА МИККОР

Это привело к многочисленным ссорам с соседями.

Бывший лесничий Николай Васильевич фон Дервиз, проработавший в этом районе с 1889 г., упоминал в книге «Сухумский округ» (1906), об эстонцах, русских и немцах, проживавших вокруг Сухума, что они, в основном, держали своих свиней в хлеву. Но, к тому же, иногда летом и осенью загоняли их для пропитания в лес. Вероятно, они научились этому у мегрелов, так как запасы корма для свиней в лесу были огромны. В лесу спаривались домашние свиньи с дикими. По словам фон Дервиза, поселенцы, главным образом, разводили свиней болгарской породы, которых с его участием скрещивали с английскими берк-йоркширскими свиньями. При скрещивании с дикими кабаном образовалась уникальная порода, телосложение которой было похоже на английскую породу, но голова и конечности носили более местный характер, это помогло им умело передвигаться в дикой природе, как по лесным, так и по горным пастбищам.

Со временем, по мере того как поселения становились многонациональными, в эстонских деревнях свободно бродило все больше и больше домашних животных. В 1980-е годы часть свиней, принадлежавших владельцам разных национальностей в Эстонке, свободно гуляла между деревнями, у более энергичных на шее был хомут из палок.

Но некоторые эстонцы по-прежнему держали своих животных в загонках и свинарниках. В случае свободного выпаса, поля и огороды и другие запретные места отгораживались от свиней и других бродячих домашних животных. Ворота сада были закрыты настолько тщательно, что люди входили, не пользуясь воротами, а перелезая через забор с помощью лестницы или стремянки.

Производство сена

Традиция заготовки сена, привезенного с севера, особенно характерна для эстонцев. Ведь в Эстонии животных запирали в сараях на полгода. Народы юга

не обращали на сено большое внимание, животным приходилось пользоваться найденной в природе пищей. Их коровы также были меньшего роста, могли карабкаться по горным склонам и мало ели. У них было меньше молока. В случае неожиданных холодов и снежных зим южные народы попадали в беду, например, как зимой 1911 г.

Из разновидности сена эстонцы воздвигали бычье (крестоцветное сено), люцерну и смешанное сено. Сено и овощи выращивали, например, между молодыми фруктовыми деревьями или на поле, где уже были собраны зерно или картофель за этот год: «Рабочим животным нужно сено, а иногда бывает, что снег идет зимой в течение нескольких дней, когда животные более не могут найти пищу в лесу». В начале 20-го века некоторые владельцы, особенно немцы, стали уделять больше внимания посеву и выращиванию сена. Кукурузные початки также давали животным в пищу.

Эстонцы кормили рабочих лошадей и молочных коров дополнительно. Последние получали подкормку даже летними вечерами. В Абхазии эстонцы держали животных в сарае зимой неделю-две, если наступали «особые холода». Впрочем, сена и соломы эстонцы запасали на зиму не так много, как это было совершенно необходимо делать в Эстонии или Самаре.

Сено также было необходимо для лошадей. Во время Гражданской войны в России и красные, и белые реквизируют сено у эстонцев, так как их запасы сена были особенно велики. Ведь сено было незаменимым кормом для животных во время передвижения войск. Были реквизированы лошади и телеги.

В 1880-х годах несколько эстонцев проводили эксперименты с шелковичными червями. Но эстонцы не стали возделывать его на постоянной основе. Однако кавказцы (мегрелы и абхазы) выращивали большое количество коконов тутового шелкопряда. После создания колхозов разведение тутового шелкопряда стало обязательным во всех эстонских деревнях Черноморского побережья Кавказа.

Продолжение следует